

ВЫХОДИТ С 1998 ГОДА

МУЗЫКАЛЬНАЯ ГАЗЕТА СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

СТР. 2

«БОЛЕЕ БЛАГОДАРНОЙ
ПРОФЕССИИ НЕ ЗНАЮ...»

СТР. 2

МУЗЫКА РЕВОЛЮЦИЙ

СТР. 3

СОЮЗ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

СТР. 4

МИР, ИСПОЛНЕННЫЙ РАДОСТИ
И ЛЮБВИ

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

Вы когда-нибудь думали о том, что значит добровольная помощь? Почему волонтеры набираются для Олимпийских игр, для программы «Красный крест» или для помощи пострадавшим гражданским лицам на поле военных действий? Почему так важно, чтобы люди занимались этим безвозмездно, по своей собственной доброй воле?

Все мероприятия, устраиваемые консерваторией или студенческим советом, выглядят настолько привлекательно, что рано или поздно появляется желание в них поучаствовать. И поскольку наша *Alma Mater* находилась в преддверии такого масштабного события, я сама, добровольно, как и многие другие, попросилась быть волонтером.

Юбилей консерватории был и Олимпиадой, и местом военных действий одновременно! По крайней мере, для нас. Собралось студентов-волонтеров не очень много, особенно учитывая то, что речь идет не о детском утреннике. Празднование юбилея ждали не только учащиеся и педагоги Московской консерватории, но и многие представители музыкальной элиты нашей страны, а, впрочем, и всего мира. И мы, волонтеры, волей-неволей стали представителями всего консерваторского сообщества.

«Волонтер — это как супергерой, человек, который всегда может прийти на помощь, решает параллельно множество вопросов, отвечает всем улыбкой и добрым словом, на связи 24 часа в сутки, чтобы в любой момент побежать спасать мир! Я получила огромное удовольствие от такой работы. Тренировка навыков общения с разными людьми, разрешение самых непредвиденных ситуаций, помощь другим волонтерам — все это было отличной школой для тех, кто в будущем хочет стать менеджером в сфере искусства или иметь другую руководящую должность. Но, в любом случае, этот опыт никогда не будет для нас лишним!» (Татьяна Букаловская, ДФ, 2 курс).

«Меня очень порадовало, что волонтерами захотели стать более двух десятков человек. Мы помогали друг другу и подменяли в случае особых обстоятельств. Поэтому или иному вопросу можно было проконсультироваться с

МЫ — ВОЛОНТЕРЫ!

председателем студенческого профкома Яной Межинской или с ее заместителем Ольгой Шальневой. Особенно приятно, что эти девушки — лидеры волонтерского движения — с пониманием относились к нашей учебной и рабочей занятости и распределяли задания должным образом» (Александра Обрезанова, ИТФ, 5 курс).

«Больше всего понравилось то, какой коллектив у нас собрался — все были готовы выру-

«У меня было три гостя. Первым я встречала заведующего кафедрой духовых и ударных инструментов Уральской консерватории Анатолия Христиановича Сидорова. С ним произошел небольшой казус — я думала, что его надо поселить в одной гостинице, а оказалось, что в другой. На следующий день я встречала ректора и проректора Петрозаводской консерватории. И тут меня опять настигла «карма» с отелями: выяснилось,

«Мне выпала честь встретить ректора Латвийской консерватории Артиса Симаниса. К сожалению, он пробыл в Москве недолго, так как улетал в Индию, однако, несмотря на краткость пребывания, он показал себя очень приятным, неконфликтным и интересным человеком. Кажется, он остался всем доволен!» (Ангелина Паудяль, ИТФ, 4 курс).

Скажу пару слов и о своем волонтерстве. Меня больше

терской деятельности — возможность ощутить себя частью праздника, познакомиться с представителями зарубежного музыкального образования, что всегда меня интересовало. Событие было очень значимым и для общности, и для нас самих, так как мы очень любим свою Консерваторию и гордимся тем, что мы ее воспитанники, ученики.

Больше всего, конечно, в памяти остался торжественный прием в Гостином дворе — это было воистину потрясающее зрелище, в котором я участвовала в качестве дебютанта бала. На нем присутствовали многие профессора, именитые гости, сливки музыкального общества. Все прошло просто прекрасно, было очень много забавных и запоминающихся моментов, как, например, неформальное общение с нашими педагогами — в консерватории они, порой, кажутся такими серьезными, строгими и требовательными. Было приятно увидеть их смеющимися, радостными, танцующими вальс и сальсу!» (А. Паудяль).

Конечно, торжественный прием в Гостином дворе стал самым неожиданным событием юбилейной недели. Для студентов-волонтеров это была уникальная возможность поучаствовать в мероприятии такого масштаба (надеюсь, не последняя!). Красиво оформленный зал, необыкновенные яства, дамы в нарядных платьях, мужчины во фраках — все это создавало впечатление элитарности высшего уровня. На сцене — симфонический оркестр оперного театра консерватории, известные музыканты, прекрасная легкая «серьезная» музыка и веселый ведущий (Петр Татарицкий).

Торжественное открытие вечера — полонез в исполнении дебютантов весеннего бала — такое настроение только упростило. Эта ночь в Гостином Дворе стала волшебной и незабываемой: где еще потанцуешь кадрили с Никасом Сафроновым, леткунку с Александром Сергеевичем или выпьешь вина с Юрием Башметом! Но теперь это все — уже часть истории...

Кадрия Садыкова, волонтер,
IV курс ИТФ

чить друг друга. Люди, которым это было неинтересно, отпали в первый же день, когда поняли, какая ответственность ложится на наши плечи. Ведь волонтер — это человек, который в первую очередь ставит интересы того, за кого он ответственен, выше своих» (Мария Мясоедова, ДФ, 2 курс).

В основные задачи волонтеров входило: встреча гостей в аэропорту, сопровождение их до отеля и на обед, а также ежедневное обеспечение гостей билетами на концерты, экскурсии, фуршеты и прочие мероприятия. Но помимо всего этого, мы всегда, в любое время суток, были готовы оказать помощь нашим «подопечным», решать любые их проблемы. А ситуации возникали самые разные, стрессовых моментов было очень много...

«Я встречала двух гостей: К. В. Курленю — ректора Новосибирской консерватории им. М. И. Глинки и Е. В. Куракину из Белорусской академии музыки. По непонятной причине мы с Константином Владимировичем разминулись в аэропорту! Хорошо, что он прекрасно знает Москву и сам добрался до места назначения. Зато Елену Викторovну я встретила без всяких проблем, а когда ехали в машине в гостиницу, мы мило беседовали на разные темы, которые непосредственно касались Московской Консерватории» (Т. Букаловская).

«Я встречала двух гостей: К. В. Курленю — ректора Новосибирской консерватории им. М. И. Глинки и Е. В. Куракину из Белорусской академии музыки. По непонятной причине мы с Константином Владимировичем разминулись в аэропорту! Хорошо, что он прекрасно знает Москву и сам добрался до места назначения. Зато Елену Викторovну я встретила без всяких проблем, а когда ехали в машине в гостиницу, мы мило беседовали на разные темы, которые непосредственно касались Московской Консерватории» (Т. Букаловская).

всего привлекает общение, моменты, когда можно услышать что-то бесценное, вдохновляющее на дальнейшую деятельность. В моей практике такое случалось не раз. На нашем празднике я встречала двух чудесных гостей: ректора Мексиканской консерватории Давида Родригеса де ла Пеня и Егора Резникова (Франция), для которого Московская консерватория не была чужим местом. Очень горда, что мне посчастливилось познакомиться с подобными людьми! Они всегда были приветливы и отзывчивы, были рады присутствовать на подобном событии. Я услышала так много теплых слов... И все это было обращено ко мне — волонтеру.

«Одна из причин, подтолкнувших меня к участию в волон-

«БОЛЕЕ БЛАГОДАРНОЙ ПРОФЕССИИ НЕ ЗНАЮ...»

- Екатерина Михайловна, Вы уже много лет занимаетесь преподавательской деятельностью. Как она началась?

- Первое, о чем можно было бы вспомнить, было до консерватории: оно связано с очень глубокой любовью к моему педагогу по музыкальной литературе в училище, Рахили Ароновне Пескиной. Появилось желание продолжать дело своего учителя. А деятельность началась в училище, когда меня попросили заменить одну преподавательницу, и я согласилась.

На будущий год я получила свои собственные группы: сначала это были духовики. Помню, что они были очень взрослыми, многие после армии, одного возраста со мной и даже постарше. Вообще занятия со взрослыми многое давали, многое становилось более ясным и требующим конструктивного подхода к делу.

- В консерватории и в училище Ваши слушатели — профессиональные музыканты. Но Вы также рассказываете о музыке и непрофессионалам, любителям, которые прихо-

дят в Университет музыкальной культуры. Что Вам это дает?

- Эту деятельность я тоже очень люблю. И удовлетворение, которое я там получаю, ничуть не меньшее, просто оно совсем другое. Когда я училась в консерватории, у нас по лекторской практике была педагог К. В. Успенская, страстная энтузиастка просветительской работы, благодаря которой, собственно, и возник Университет музыкальной культуры. Мое боевое крещение было интересным...

- Как у Андроникова?

- Нет, у меня не было никаких юмористических моментов. Я выступала в фойе кинотеатра «Центральный» на Пушкинской площади, которого сейчас уже нет. Там шел фильм — экранизация оперы «Евгений Онегин», и в мои задачи входило рассказывать о ней перед сеансом весьма непостоянной публике — людям, которые ходили по фойе и в какой-то момент могли прислушаться к тому, о чем говорилось (смеется). Это было большое испытание. Были и другие довольно сложные аудитории: например, общеобразовательные школы с огромным залом, в который насильно приводили детей разных классов. Очень хорошо помню вступительное слово перед спектаклем «Снегурочка» в оперной студии. Никаких особых обстоятельств с этим не было связано, кроме одного: сначала я посетила репетицию и была в совершенном потрясении от Тамары Милашкиной, которая пела Купаву. Она вышла на сцену, как сейчас помню, даже не в сценическом костюме, а просто в

длинной серой юбке. И ее «Снегурочка, я счастлива» — одно из самых сильных впечатлений, которые остались на всю жизнь! Ну а потом был уже Университет культуры...

- В Малом зале консерватории?

- Да. Но был такой период, когда концерты проходили в Большом. Вид переполненного Большого зала внушал мне всегда только восторг. Чего не было, так это страха. Вообще я люблю либо очень большие аудитории, либо маленькие.

- Вы заканчивали училище как пианистка. А сейчас Вы выступаете?

- Сейчас это прекратилось, хотя всегда было необходимой частью моей жизни. Я всегда очень любила концертмейстерство, особенно вокальное. С певицей Ольгой Седельниковой мы выступали в Университете музыкальной культуры, в Музее-квартире Гольденвейзера, в музее Чехова, где отмечали день, когда Чайковский приходил к Антону Павловичу в гости, в доме-музее в Клину.

- Вопрос, который волнует, наверное, всех студентов: востребована ли в наше время профессия музыковед? Куда бы Вы посоветовали приложить силы?

- Вопрос, конечно, очень сложный. Все хотят работать только в Москве. Или за границей. Людей, которые приехали и после окончания консерватории вернулись домой, буквально можно по пальцам пересчитать. Я не хотела бы призывать, чтобы кто-то насильно кого-то куда-то распределял, но вообще, может быть,

стоило бы? Нужно как-то отрегулировать этот процесс.

Профессии более благодарной, чем наша, я не знаю. Она дает большие возможности для раскрытия творческого потенциала. Поэтому отказываться от нее не стоит, несмотря ни на какие трудности. Очень востребованными могут быть высококачественные и квалифицированные переводчики с иностранных языков произведений зарубежных ученых. Потом, есть редакторская работа — я сейчас не беру только книжные редакции или журнальные, но и музыкальные. Так что абсолютного пессимизма к востребованности профессии у меня все-таки нет.

- Хорошо известно, что Вы очень любите литературу и, помнится, одно время даже выбрали между музыковедением и филологией. Почему музыка перевесила?

- Были разные причины, в том числе и не имеющие существенно отношения к делу. Мне очень повезло в том, что на какое-то, пусть не очень долгое, время судьба свела меня с А. В. Михайловым, которому я бесконечно благодарна и которого считаю одним из своих учителей. Его лекции и его труды для меня колоссально много значили. Он всю жизнь стремился соединить музыку с филологией. Был специалистом и в области изобразительного искусства, а как раз музыке специально не учился, просто частным образом занимался. К сожалению, редко приходится встретить человека, который обладал бы одинаковыми знаниями и талантами в разных областях. В этом отношении Александр Викторович представлял собой абсолютное исключение из правил.

- Вы с детства связаны с театром, ведь Ваш отец был знамени-

тым актером Малого. Что театр для Вас?

- Поскольку я с детства декламировала много стихов, мне часто говорили: «Ты, наверное, будешь актрисой». И почему-то мне это очень не нравилось. Я привыкла твердо отвечать «Нет», и настолько привыкла, что исключила такую возможность. Хотя, конечно, много бывала в театре. Был у меня период страстного увлечения Художественным, вахтанговских спектаклей много смотрела в детстве...

- А Малый? Какое самое яркое воспоминание?

- Вот Малый театр я меньше любила. Хотя, конечно, застала замечательных старых актеров: Рыжову, Турчанинова, Яковлева, Яблочкину... В детстве я больше всего любила «Три сестры» в Художественном театре с Тарасовой, Еланской и Степановой. После этого я никаких других «Трех сестер» видеть не могла. Очень любила Тарасову в «Анне Карениной»...

- А сейчас какие Вам театры нравятся?

- После того, как папа умер, я какое-то время в драматический театр вообще не могла ходить, а в Малый в особенности. Сейчас я больше посещаю оперные спектакли. Очень нравится Камерный театр им. Б. А. Покровского, там атмосфера очень хорошая.

- Если бы у Вас была машина времени, куда бы Вы отправились?

- Пожалуй, куда-нибудь назад — в пушкинское время, в начало XIX века. Интересно было бы посмотреть. А чтобы там остаться, — не знаю, не уверена (смеется)...

Беседовала Ангелина Паудаль, IV курс ИТФ

СОБЫТИЕ

МУЗЫКА РЕВОЛЮЦИЙ

10 сентября в Рахманиновском зале состоялось открытие нового сезона Центра современной музыки Московской консерватории. Ансамбль «Студия новой музыки» под управлением Игоря Дронова представил программу под оригинальным названием «Русские революции в музыке 1917–1991».

Концерт стал своеобразной репетицией перед выступлением ансамбля на крупнейшем фестивале *Beethovenfest* в Бонне (15 и 17 сентября). На родине Бетховена «Студия» дала два концерта, исполнив сочинения раннего русского авангарда (Д. Шостакович, И. Стравинский, Н. Рославец, В. Дешевов, И. Вышнеградский) и пьесы, напрямую или косвенно связанные с русскими революциями.

В первом отделении московского концерта прозвучали произведения Николая Рославца и Сергея Прокофьева — двух великих «бунтарей» начала XX века. Пожалуй, они, больше чем остальные отразили в своем искусстве по-настоящему революционные музыкальные идеи прошлого века.

Камерная симфония № 1 (1927) Рославца долгое время оставалась неоконченной, и только в конце 80-х ее восстановил и оркестровал композитор А. Раскатов: он подробно изучил эскизы и дописал небольшую коду. Рославец — создатель

«новой системы организации звука», по свежести ничуть не уступающей изобретениям Шенберга. В камерной симфонии № 1 он не только воплотил свои смелые искания, но и сумел отразить дух недавней революции: таинственно-мистические темы сменялись надломленными, призывные — лирически-экспрессивными, близкими стилю Скрябина.

Совсем иной характер носил квинтет Прокофьева под названием «Трагедия» (1924). Первоначально эта музыка создавалась для одноименного балета, но через несколько лет композитор написал на ее основе инструментальное сочинение из шести частей, которые расположил по сюитному принципу.

В квинтете органично сочетаются интонационно усложненный материал с замысловатыми ритмическими фигурами, типичные для Прокофьева энергичные и одновременно ироничные темы. В виртуозном исполнении солистов ансамбля «Студия новой музыки» это сочинение

предстало своего рода манифестом борьбы и свободы, в равной степени присущим прошлому столетию.

Вторая часть вечера выстроилась вокруг 1991 года — интересно, что события того времени, как заметил в своем вступительном слове профессор В. Г. Тарнопольский, зарубежные страны до сих пор назы-

начиналось сочинение Александра Вустина «Музыка для десяти» (существующее также в качестве антракта к его опере «Влюбленный дьявол»). Судорожные и нервные микромотивы инструментов сливались с не менее возбужденной речью исполнителей и дирижера, зачитывающих фрагменты текста: создавалось ощущение

ский смысл. Сначала музыкальную ткань пронизывают тончайшие звучности, шорохи, политембровые и полигармонические комплексы, которые постепенно выстраиваются и медленно рассыпаются, образуя, по словам автора, «пульсацию фаз слияния и расслоения звуковой материи». Затем пророчества трагических событий мифологической героини воссоздаются в музыке в облике звукового «заклинания» — постоянного возвращения одного и того же экспрессивного лейтмотива, напоминающего раскат грома...

Блестательное выступление ансамбля «Студия новой музыки» в этот вечер показало, что и в 1917-м, и в 1991-м, и даже в наше время музыка способна стать своеобразным зеркалом трагических лет, отражая в звуках дух времени. Актуальные, глобальные проблемы не перестанут волновать настоящих художников, способных чутко откликаться на коренные изменения как в жизни, так и в искусстве. Произведения, созданные музыкальным языком революционного XX века, навсегда останутся бесценным памятником ушедшей эпохи.

Надежда Травина, студентка ИТФ

Бонн, 15 сентября

вают «революцией». Прозвучали пьесы современных российских композиторов, созданные в тот же год.

«Мне кажется, это было еще вчера, а между тем это случилось еще в начале тысяча семьсот восемьдесят восьмого года» — этими словами Ж.-Ф. Лагарпа

некоего хаоса, калейдоскопа мгновений и реальной атмосферы тревожных событий.

«Кассандра» — пьеса Владимира Тарнопольского — завершила концерт. Сочинение было написано незадолго до августовского путча и таким образом приобрело символиче-

ЗА ТВОРЧЕСКОЙ БЕСЕДОЙ

СОЮЗ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Два года назад в Московской консерватории вновь появилось Студенческое научно-творческое общество (СНТО). Благодаря его работе студенты самостоятельно проводят лекции, организуют концерты, подчас не менее уникальные и увлекательные, чем мероприятия с участием уже состоявшихся музыкантов и ученых. Сегодня я пообщалась с Анной Пастушковой, заместителем председателя СНТО, куратором секции старинной музыки. Мы поговорили об итогах ее работы за прошлый год:

— Аня, прошло два года с момента восстановления СНТО и год, как ты в нем участвуешь. Какие мероприятия удалось провести?

— Самое главное, на мой взгляд, в прошедшем году — мы очень расширились и у нас появились новые секции, каждая из которых специализируется на определенном музыкальном направлении. Например, старинная музыка, которой занимаюсь я и Юлия Москвина. Также журналистика — совсем свежая секция, первое мероприятие которой прошло в мае этого года. Его провела аспирант МГК Диана Локотьянова с участниками конкурса П. И. Чайковского. Третье направление — оно было у нас изначально — современная музыка.

— Предполагаете ли вы сотрудничество со студентами композиторского факультета?

— Да, как раз в рамках секции современной музыки. Этим занимается Владислав Тарнопольский. Он планирует подключить молодых композиторов — цикл семинаров состоится в ноябре этого года. Предполагается, что они будут анализировать собственные сочинения и классиков современной музыки. То есть, интересен подход к современной музыке именно со стороны композитора.

На фото (слева направо): В. Тарнопольский, Н. Травина, Ю. Москвина, А. Пастушкова, К. Старкова, А. Сыч, Е. Свистунова, Д. Висайтова, А. Мамбетова, К. Фльорчак, О. Егорова

— Подобный взгляд на современное творчество музыканта-практика часто открывает интереснейшие нюансы в процессе сочинения. Вы организуете только творческие встречи или же есть и какие-то другие форматы?

— Да, конечно, у нас проходят разнообразные мероприятия. Например, в этом году прошло два концерта СНТО, которые организовала Кристина Ищенко, студентка ДФ, и конференция.

— Чему была посвящена конференция и кто в ней участвовал?

— Она проходила осенью, называлась очень интересно «Музыка в истории литературы и литература в истории музыки». В основном, конечно, участвовали ребята из самых разных российских вузов, но была даже студентка из Парижа! Россияне были из Астрахани, Саратова и других городов. Мы вообще стремимся к расширению контактов, в стенах нашей консер-

ватории уже выступали студенты ГИТИСа, институтов имени Шнитке и Ипполитова-Иванова, а также других вузов.

— Преобладают, наверное, консерваторские студенты-теоретики, так как подобное — род их будущей деятельности. А принимают ли участие студенты исполнительских факультетов?

— Мы стараемся подключать как теоретиков, так и исполнителей. Но парадокс в том, что музыковеды менее активны, чем

все остальные, они подчас не могут посещать мероприятия из-за невероятной загруженности. Поэтому на наших встречах в основном видим исполнителей, в том числе и в качестве слушателей.

— И в чем проявляется сотрудничество с ними?

— Мы прикладываем все усилия, чтобы их заинтересовать. Например, осенью прошлого года к нам приходил Филипп Нодель — известный гобоист и просветитель. Он не только играет старинную музыку, но и всячески ее пропагандирует, изучает, преподает. То есть, очень подкованный с теоретической точки зрения практик! Он участвовал в двойной лекции, посвященной творчеству Г. Ф. Телемана. Сначала выступил Сергей Никифоров, который пишет о Телемане диссертацию, а вторая половина лекции шла под руководством Ноделя, который рассказал, как исполнять Телемана и сам это показал.

— То есть, присутствие исполнителей для вас очень важно?

— Конечно! Без них, во-первых, нам трудно понять некоторые технические и даже практические моменты исполнения. А во-вторых, они нам помогают «озвучить» редкие сочинения.

— И что уже удалось исполнить?

— В начале мая Юлия Москвина договорилась с хорвиками кафедры современного исполнительства, и они показали сочинение редкого композитора-полифониста Бальдуина Гуаюля (1547—1594), голландца,

ученика Орландо Лассо. Его музыку, естественно, никто не знает, даже изданных нот не существует. Юлия смогла расшифровать и перевести ноты в читаемый вид, а ребята произведение исполнили. Всем нравится исполнять старинную музыку, редкую, неизвестную. Очень радует, что все этим увлечены.

— Решили создать идеальный союз музыковеда и исполнителя?

— Да, есть такая задумка. Хотелось бы осуществить некий синтез между ними, где одни готовят лекции по редкой, неисполняемой музыке, помогая, естественно, с реализацией нот, другие — играют и поют. И, объединяясь, мы устраиваем разнообразные концерты и встречи. Так, мне, с помощью Андрея Андрианова, который привлек ребят, студентов КСХИИ, удалось подготовить исполнение фрагментов из «Stabat Mater» Перголези в обработке Баха, на немецком языке (см. об этом: «Трибуна», 2015, № 9).

— Каковы ваши планы на этот учебный год?

— С октября по декабрь проводим международный фестиваль к юбилею Фробергера, с мастер-классами, концертом и конференцией; продолжим встречи по журналистике и регулярные лекции гостей из других вузов, начинаем сотрудничество с музеем Скрябина... А в связи с юбилеем Московской консерватории собираемся провести ряд интервью со старейшими преподавателями и составить сборник об истории консерваторского СНТО.

Беседовала Лидия Саводерова, IV курс ИТФ

«ИСПОЛНЯТЬ ЭТИ ПЬЕСЫ БЫЛО ИНТЕРЕСНО...»

В Большом зале 19 июня состоялся государственный экзамен композиторского факультета. Симфонический оркестр Министратства обороны с блеском исполнил премьеры симфонических опусов выпускников, в чем огромная заслуга дирижера Романа Бельшева.

Для каждого композитора первое исполнение нового сочинения — момент всегда очень волнующий, поскольку являет собой важный этап на творческом пути автора. Но, пожалуй, симфоническая премьера имеет особый статус. Насколько фундаментальной и сложнее симфоническая музыка в сравнении с камерной, настолько же премьера симфонической партитуры превосходит премьеру сочинения любого другого состава. Неудивительно, что композиторы-выпускники ждали это событие с большим трепетом и надеждой. Увенчались ли чаяния авторов знают только они, а впечатления дирижера от состоявшегося экзамена попытаемся выяснить в беседе с ним:

— Роман Геннадиевич, мне кажется, музыка создана не для того, чтобы о ней говорить, это делать всегда сложно. Как Вы считаете?

— О, да! Иногда послушаешь... и «уши вянут»! Дело в даровании лектора. Если мы вспомним Ираклия Андронникова, то это талантливо и убедительно. А когда этим занимаются безграмотные и

косноязычные люди... К сожалению, в наше время подобралась целая когорта «просветителей», которым явно не дают спокойно спать лавры Ивана Соллертинского!

— Как Вам кажется, о современной музыке говорить сложнее, нежели, к примеру, о Моцарте?

— Мне думается, что принципиальной разницы нет. Искусство тем и увлекательно, что в нем не может быть непреложных истин. Однако, зачастую, оценки настолько расходятся, что установить объективность не всегда возможно.

— Вашими дирижерскими усилиями было проведено большое количество композиторских госэкзаменов. Есть ли такие, которые наиболее запомнились? И если да, то чем именно?

— Так сложилось, что на протяжении последних лет мне выпала честь осуществлять «дирижерское обеспечение» композиторских дипломов. Вспоминаются 90-е годы, когда я сам был студентом. Конечно, нынешнему поколению повезло больше — время другое. Изменились условия, возмозности, с появлением интернета и компьютеров все стало намного проще. Нынешним молодым людям нет надобности «корпеть» над бумагой, вывода

ноты и штиты! Вместе с тем, количество талантов примерно одинаково. Хотя, несколько «уникумов» запомнилось...

— Давайте поговорим о последнем госэкзамене. Чисто внешне он скорее походил на дневной симфонический концерт: публики было достаточно много, она очень живо реагировала на исполнявшиеся сочи-

нения, было даже подобие оваций, что весьма редко случается на экзаменах. Это был такой счастливый и солнечный день для молодых авторов, или же уровень партитур оказался действительно достаточно высоким?

— Соглашусь — атмосфера действительно была на редкость доброжелательной. Я был обрадован таким теплым и восторженным приемом. Конечно, здесь есть заслуга дипломных партитур. Я бы выделил «Виолончельный концерт» Славниковой и

«Посвящение Камчатке» Килина — исполнять эти пьесы было интересно. Также хочется отметить игру виолончелиста Р. Комачкова.

— В Ваших руках побывало огромное количество симфонической музыки пока еще неизвестных авторов. Вы хорошо знаете достоинства и недостатки каждой сыгранной партитуры. Наверняка за годы Вашей исполнительской деятельности набралось определенное количество шаблонных ошибок, которые совершают композиторы в своих первых симфонических опусах. Не могли бы Вы их назвать? Это было бы весьма полезно для молодых авторов...

— Шаблонные ошибки? Скажем так: «рояльное мышление», неверно выставленный метроном, слабое владение оркестровой фактурой...

— Прозвучало семь премьер. На мой взгляд, четыре партитуры можно условно назвать «традиционными», три — «авангардными». Согласны ли Вы с таким делением? Над какими работами интереснее: более понятными по музыкальному языку или менее (а быть может, и вовсе непонятными)?

— Как исполнителю мне всегда интересно постигать новое. Особенно, если это новое — талантливо. И неважно: авангард это или классика. Мне всегда жаль, когда начинающий композитор, не совсем владея оркестром

(что нормально, учитывая мизерный опыт!), упорствует в своих заблуждениях. К сожалению, такие «товарищи» бывают в каждом выпуске.

— В программе экзамена было семь авторов: Андрей Килин, Мария Кудряшова, Андрей Бесогонов, Баласагын Мусаев, Наталия Абриотина, Дарья Славникова, Денис Писаревский. Четверо юношей и три девушки. В связи с этим хочется задать полушутливый вопрос: что Вы можете сказать о влиянии гендерных особенностей на композиторское творчество?

— Гендерный вопрос — штука скользкая! Здесь ситуация очень напоминает дирижерскую профессию. Если становиться на ортодоксальные позиции, то можно попасть в лагерь «мракобесов» и «ретроградов». Я уверен, все-таки, что наличие таланта — вещь универсальная. Хотя были и есть профессии, которые останутся в поле зрения только «сильного пола».

— Роман Геннадиевич, на мой взгляд, последний госэкзамен на кафедре сочинения был одним из самых успешных за последние годы. Вы с этим согласны?

— Наверное, Вы правы. Редко, когда дипломный концерт становится полноценным музыкальным событием. Я уверен, что этот концерт останется в памяти молодых композиторов на долгие годы как замечательное и перспективное начало многотрудного творческого пути.

Беседовала Евгения Бриль, аспирант

НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

НЕМНОГО ПОДУРАЧИЛИСЬ

Три! Два! Один! Alarm! Поехали!.. Взлет ракеты, крушение какой-то постройки в духе «Черного квадрата» Малевича и резкое *fortissimo* всего оркестра... Фантазмагорический мир оперы Сергея Прокофьева «Любовь к трем апельсинам», появившаяся в репертуаре Музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, с первых минут захватывает внимание зрителей.

Поставленная режиссером Александром Тителем и дирижером Александром Лазаревым в июне этого года к 125-летию со дня рождения композитора, опера вызвала большой интерес московской публики благодаря высокому уровню профессионализма певцов-артистов (а их партии требуют достаточно развитой вокальной техники) и оригинальной режиссуре, отличной от версий «Геликон-оперы» и театра Н. Сац. Еще с чикагской премьеры 1921 года «опера-скерцо» (выражение музыковеда Г. Орджоникидзе) была признана безусловным шедевром музыкального театра. И каждое ее последующее появление на сцене привлекало к себе внимание: что же еще можно придумать такого, что не обозначил в своей партитуре гениальный композитор-режиссер и что еще не показали в предыдущих постановках?!

Новая сценическая версия, частично перенесенная из

Латвийской национальной оперы (постановка А. Тителя — М. Озолиньша 2013 года), приятно удивила разнообразием ассоциативных связей с различными историческими и культурными эпохами: от импровизированной комедии *dell'arte* XVIII века, куда отсылает одноименная фьяба Карло Гоцци (литературный источник «Апельсинов»), к живописи XX века и реалиям жизни второй половины XX — начала XXI. Абстракционизм и супрематизм Малевича кроме знаменитого «квадрата» проявляются также в оживших геометрических фигурах II действия, безуспешно пытающихся развеселить Принца (Александр Нестеренко). Танцующая гимнастка (Ольга Костерина) на гигантском шаре из пролога напомнила «Девочку на шаре» Пикассо, а торчащие из повозки человеческая рука и нога мертвых принцесс на фоне пустыни — живопись Дали.

Главной задачей своей постановки Титель видел отказ от знаменитого приема «театр в театре», который изначально предполагался у Прокофьева. И в то же время, по мнению художника-постановщика Владимира Арефьева, авторы спектакля «попытались представить себе, что есть великий, вечный театр —

театр улицы», где «каждый из нас может стать участником представления, исполнителем одной из ролей».

Уже в прологе пространство «театра улицы» погружает слушателей в водоворот городской, абсолютно современной толпы, где нашлось место и пожарникам — «Трагикам», и полицейским — «Комикам», и медикам — «Лирикам», и строителям —

Фейгинова) или в рок-стилистике у Фаты Морганы (Ирина Ваценко). Внимания заслуживает их цветовая палитра: помимо оранжевого цвета апельсинов определенную «змеиную» символику несет зеленый цвет в платьях Фаты Морганы и ее подопечной Смеральдины, по-змеиному извивающейся в спектакле.

Особый интерес вызвало визуальное воплощение царства

крупногабаритной блондинкой Кухарочкой (Максим Осокин), с ракетной установкой «Среонта» и площадкой для ее запуска, скорее всего, отсылает слушателей к некой заброшенной ракетной базе. Объединение отрицательных персонажей в единый коллектив — квартет в духе популярных рок-групп «Skyforger» или «Зодиак» с точки зрения пластического решения спектакля готовится постепенно: каждый участник на протяжении всего представления немного пританцовывает (пусть даже и в разных стилях).

«Изюминкой» июньского спектакля стал видеоряд И. Сипуновой с острыми и меткими выражениями: «Тигра нам не хватало...» (про наряд Труффальдино), «Грубовато» (о падении Фаты Морганы на глазах Принца), «Почему три? [апельсина]», «Ну, накрутили...» и «Птицу вы же не видно...» (о путешествии Принца и Труффальдино за апельсинами), «Колонка не работает» (когда пытаются напоить водой принцесс)...

«Это история про то, что нельзя унывать. Про торжество смеха, искусство смеха. Про то, что если люди — хотя бы несколько человек — способны к самоиронии, то мир не безнадежен. Вот мы и позволили себе немного подураться» (Александр Титель).

Мария Зачиняева, выпускница МГК

«Чудакам» в желтых жилетках, и неутомным папарацци-фотографам, которым досталась роль «Пустоголовых»...

Вяние нынешнего времени, конечно, отразилось и на костюмах солистов, выдержанных либо в офисном стиле, как у Леандра (Андрей Батуркин), либо в духе хиппи, как у Смеральдины (Элла

Креонты и превращение главных злодеев — Фаты Морганы, Леандра, Клариче (Лариса Андреева) и Смеральдины — в рок-группу «Orangetrash», раздавленную в конце спектакля катком и вкатанную в асфальт.

А мрачный зимний пейзаж военного лагеря с гуляющим белым медведем, колоритной

НОВАЯ МУЗЫКА

МИР, ИСПОЛНЕННЫЙ РАДОСТИ И ЛЮБВИ

25 сентября в зале им. Н. Я. Мясковского прошел концерт памяти Владимира Ильича Скуратовского (1963–2016) — музыканта, педагога, поэта, всего себя отдававшего служению Искусству. «Душа» Днепропетровской консерватории, он внес огромный вклад в развитие культуры на родной Украине. Некогда закончив Московскую консерваторию, он на всю жизнь сохранил в своем сердце любовь к Alma Mater, создавая в родном городе ту уютную атмосферу, которая поселилась в его душе в студенческие годы.

Зал был переполнен: слушатели сидели в проходе, стояли вдоль стен. Собрались не только ученики, коллеги и друзья Владимира Ильича, но и люди, имевшие счастье общаться с ним. Звучали произведения Баха, Танеева, но основное место в программе заняла музыка самого Скуратовского — и передо мной открылся удивительный мир, яркий, солнечный, исполненный радости и любви.

Нельзя сказать, что Владимир Ильич был авангардным композитором; нельзя сказать, что его сочинения несомненно. Но, будучи потрясенным знатоком истории музыки, он блестяще сочетал в своих произведениях лучшие достижения мастеров прошлого и современный музыкальный язык.

Открывали концерт две его пьесы из сюиты «Взгляд в прошлое» для скрипки и фортепиано — «Торжественная сицилиана»

и «Ригодон». Здесь объединились жанровые черты старинных танцев, барочная полифония, красочность гармоний рубежа XIX–XX вв. (или это отголоски Возрождения?), романтическая «пафосность» и даже слышались отзвуки средневековой менистрельной культуры. Крайние, статичные разделы «Сицилианы» воспринимались как созерцание прошлого в настоящем: когда скрипач исполнял тему флажолетами, возникало ощущение, что он «нависывает» о былом, которое «прилетело» светлым воспоминанием. Напротив, в подвижных разделах музыкальная мысль устремлялась вперед, в неизвестность. «Ригодон» был просто исполнен радости, наполняющей душу... Да, Владимир Ильич любил и умел жить!

Столь же светла была и его фортепианная «Сюита памяти Равеля» в четырех частях: Прелюдия, Вальс, Пavana и Токката. Эта музыка — не о житейских проблемах, не о минутном настроении, она — о чем-то вечном. Гармонические краски свежи и яркие, но не приторны, музыка «простоудушно» чиста — так же, как открытым и искренним был ее автор. Дочь Владимира Ильича Мария Скуратовская, исполнявшая «Сюиту», тонко прочувствовала особенности этой музыки: изгибы мелодии лились непринужденно, как бы «между делом», а постоянные темповые отклонения были «живыми» и словно «дышали».

Владимир Ильич, по словам его супруги, в душе всегда оставался «мальчишкой». Его «Альбом для детей» открывает мир, увиденный глазами ребенка. Цикл обрисовывает день, прожитый малышом, — от рассвета до заката. Названия пьес и по-детски непосредственные образы вызвали умиление публики. В

пьесе «На велосипеде» образно кружащаяся фактура внезапно обрывается резкими аккордами-кластерами: «упал!». «Скакалочка» таит в себе театральный эффект: ведь равномерные движения рук пианиста сродни монотонному вращению скакалки. «Веселая прогулка» рисует в воображении маленькую шалунью с леденцом на палочке или воздушным шариком в руке. Однако «Бумажные кораблики», с их элегическими интонациями,

скорее возвращают к реалиям «взрослой» жизни: автор словно вспоминает свое беззаботное детство, которое навеки ушло. Среди стихов Владимира Ильича есть одноименное стихотворение, раскрывающее тайну этой вроде бы детской пьесы.

Так же, как поэзия Скуратовского неотделима от музыки, его музыка часто связана с поэзией. В концерте исполнялись 7 песен из цикла «Я вернулся домой» на стихи Леонида Филатова — одного из самых любимых поэтов Владимира Ильича. Очевидно, он видел в стихах Филатова отражение собственного миропонимания, в свою очередь выражая его идеи в музыкальных звуках. Здесь все: и безобидная шутка, переходящая в сарказм, и глубокая мудрость, и «детскость», и философские размышления о смысле жизни.

Завершил концерт романс «Падает первый снег» — последнее сочинение Владимира Ильича и одновременно единственное его произведение на собственные стихи. Музыка и поэзия, два вида искусства, столь органично сочетавшиеся в творчестве Владимира Ильича, в этом романсе достигли вершины свое-

го единения. Чистые снежинки, как кристаллики, пелена неопределенности, символистские намеки, недоговоренность — слова и музыка сплетаются здесь в единый образ.

Наибольшее впечатление на меня произвел романс на стихотворение Марины Цветаевой из цикла «Стихи к Блоку»: «У меня в Москве — купола горят!» В этом небольшом произведении композитор словно хотел выразить всю свою любовь к Руси, к ее многовековой истории и культуре. Здесь и радостный перезвон колоколов, разлетающийся во все концы, и сосредоточенная, тихая молитва: перед глазами встает образ горячей любимой им Московушки, патриархальной, староукраинной... Пожалуй, впервые художественное произведение вызвало во мне столько восторг или восхищение, сколько глубокое чувство благодарности автору.

По окончании концерта весь зал долго стоял и не расходился, аплодируя Владимиру Ильичу, его жизни, его деяниям, его творчеству. Хочется верить, что искусство Скуратовского приобретет новых поклонников, что его сочинения будут чаще звучать в концертах — как настоящий гимн Искусству!

Алеся Бабенко, IV курс ИТФ

Главный редактор:
профессор Т. А. Курышева
Ответственный редактор и
оригинал-макет: М. В. Переверзева
Редактор: Н. А. Травина
Сдано в печать 14.10.2016

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 13
Интернет: tribuna.mosconsrv.ru
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-37913
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА
НА ГАЗЕТУ ОБЯЗАТЕЛЬНА